

Слесарь Г. ГИЛИН

ЛЮДИ ДОБЫВАЮЩИЕ ОГОНЬ

репортаж

А.Новиков
рис. автора

ОПЕРАТОРЫ

Серебром горят на солнце ажурные «елки» фонтанной арматуры газовых скважин. «Елок» этих сотни. И от них тянутся под землю стальные трубы к белым домикам — замерным пунктам. Здесь, в сепараторах, газ очищается от воды, проходит через замерную аппаратуру и стекает в одну трубу. А дальше от каждого домика тянется своя артерия к магистральному стальному каналу и, собравшись отовсюду, газ, гонимый подземным давлением в пятьдесят шесть атмосфер, мчится на фабрики, заводы, в миллионы квартир.

Каждое утро из Рыздвянной идут и едут промысловики к замерным пунктам. Здесь, в круглых металлических дисках под стеклом, регистраторы — автоматические перья графически расскажут операторам, как «жили» скважины ночью: сколько прошло по их трубам газа, каков был пульс—давление. И если ослаб пульс, значит неладно со скважиной, где-то забились песком, попали грунтовые воды, что прорвались сквозь обсадные

трубы. Тогда затрещат тревожные телефонные звонки на столах начальников промысла и уйдут в степь машины «скорой помощи». Специальные отряды операторов сделают все, чтобы скорей вернуть скважины к жизни.

Легкая работа у операторов, говорят буровики. Ну,

Слесарь П. ВЛАСОВ

в самом деле, — посмотрит человек на стрелки приборов-самописцев, пощелкает пальцем по железному резервуару — отстойнику газа, нет ли там воды, запишет все показания в журнал и гуляй или книжку читай. Иногда приходится продуть скважину, но и тут сил больших не требуется — специальным колесом оператор

откроет задвижку, чтобы освободить канал, газ, вырвавшись на волю, прогрохочет десять-пятнадцать минут, вынося с собой песок, воду из устья скважины, и готово. Что в этом сложного? Каждый сможет. Но легко это на первый взгляд. Не зная и не видя, что там делается на глубине (у земли свои законы), оператор всегда начеку. Он следит по приборам за ритмичным «дыханием» скважин, для каждой определит свой штуцер-отверстие, через который проходит газ, вовремя сменит его. Не догляди, проест, расширит газ отверстие и начнет хлестать без меры, тогда жди беды.

Многие рядовые операторы имеют среднее техническое образование, а Николай Головин, Виктор Терехов, Иван Москвитян, Николай Ширококов, Николай Марков — заочники нефтяного института. Но здесь учатся и новым профессиям: плотника, каменщика, штукатура, газосварщика. Казалось, зачем это добытчикам газа? «Как зачем?» — переспросят промысловики. Вы видели белые каменные домики в степи, их много десятков. Видели двухэтажный дом в Рыздвянной—

Оператор Т. САПРОНОВ

детский сад? Это они, промысловики, все сами строили и отделявали. И теперь клуб возводят.

Я видел тоже, как эти люди «легкой, чистой» профессии ремонтируют скважины; видел, как монтируют очередную «елочку», таская многопудовую фонтанную арматуру по хлипким деревянным мосткам.

Но, чтобы облегчить труд, чтоб газ стоил дешевле, здесь постоянно работает творческая мысль.

Вот слесарь-оператор Тимофей Васильевич Сапронов — всеми уважаемый человек на промысле. На его счету не одно новаторское предложение.

Петр Алексеевич Власов моложе своего друга Сапронова, но его рационализаторские предложения уже принесли промыслу не одну тысячу рублей экономии.

Много забот у добытчиков — следить за старыми и пускать новые скважины, осваивать другие месторождения. Мало ли где еще хранит в себе драгоценностей ставропольская земля! Но хранит она в себе и врага газодобытчиков — воду. Попадет вода в скважину — надо продувать, выпускать газ...

«Зачем дарить небу миллиарды кубометров газа?» — эта мысль не давала покоя студенту Московского нефтяного института Владимиру

Шулятикову. «Как откачивать воду из скважин, не открывая их?». Наконец родилась идея «летающего клапана». Владимир бросил учебу в институте, уехал в Рыздвянскую осуществлять свой план. Его приняли на промысле, дали место в общежитии. Владимир написал в Ярославль своему другу, Юрию Кобзеву. Тот оставил должность с хорошей зарплатой и прикатил сюда завершать давно начатое.

«Экспериментальная установка с летающим клапаном отлично работает», — писала вскоре «Ставропольская правда».

НА БУРОВОЙ

Каждый понедельник, по утрам, контора бурения полна народу. В тамбуре свалены сумки и рюкзаки. Гомон, сутолока. Все спешат, у каждого за неделю накопилось много вопросов, их нужно все разрешить немедленно.

Но вот раздается команда: «Вахты по машинам!», и опустела контора, за сотни километров разъехались люди — в Расшеватку и Кугульту, Безопасненское и Пелагиаду. Целую неделю будут они работать и жить на своих буровых.

Буровики не дают скважинам названий, а можно было бы называть их — «смирная», «капризная»... — в зависимости от того, как вела себя во время бурения. Но как

назвать вот эту, на которой работает бригада мастера Якова Артемьева?

— Ох и вымотала она нас, аж ребята мои позеленели, — рассказывает Яков Григорьевич, — 1739 метров пробурили хорошо, а после началось. То ли на трещину напоролись, то ли очаг пустоты какой попался, черт его знает! Уходит и уходит раствор, как в прорву.

— Прожорливая, — смеется бурильщик Алексеенко. — Да что, Яков Григорьевич, разве первая такая «ведьма» нам достается? Бывали и похуже. Справимся.

— Да с нашей-то техникой мы не то, что трещину, а и преисподнюю забьем, — добавляет старший дизелист Иван Поллюлин.

— Подожди, Иван, бодриться-то, — перебивает его Григорий Гилин, — не подвезут завтра солярку и будешь загорать! Машин-то в конторе раз-два и обчелся...

Григорий Николаевич до тонкости изучил буровое дело, много лет стоял у станка. Но тяжелые фронтовые годы оставили свой след — перешел Гилин в слесари. В бригаде его уважают за прямоту и смелость суждений, профгоргом выбрали.

***

Про человека, наделенного умом и прозорливостью, в народе говорят, что он сквозь землю видит. К таким людям относится Виктор Анатольевич Ногаев. Умеет он разглядеть под землей богатые клады. Под его руководством велась разработка и добывалось «черное золото» со дна Каспийского моря. За дерзкий поиск в открытие прославленного промысла «Нефтяные камни» его наградили орденом Ленина и медалью лауреата Государственной премии первой степени.

И здесь, в ставропольских степях, возглавляя газопромислое управление, он такой же неугомонный.

— Не навеки, конечно, дарован нам этот клад земной, — в раздумье говорит Виктор Анатольевич. — Наступит время, когда запасы газа и давление придут к нулю. Есть всему предел.

— Но нет предела творческой мысли и поискам человека, — вступает в разговор главный геолог промысла Василий Иванович Ветров. — Все запасы газа, которыми располагаем на Ставрополье, лежат почта на поверхности, в пределах тысячи метров глубины. Не исключена возможность новых открытий, на новых горизонтах. Разведка должна опережать промышленность на много лет вперед. А у нас пока топчутся на известных, площадях и робко заглядывают в нижние горизонты. Заложили скважину на 2400 метров, дошли до палеозоя, с глубины 1929 метров подняли керн, пробу грунта, с явным запахом лигроина и вдруг прекратили бурить. Чем объяснить это? Возможно, сработало утверждение некоторых геологов предельного бурения? Это плохо. Устанавливать пределы могут люди, равнодушные к будущему, которым нужны только сегодня пробуренные метры, а не результат.

— На северо-западе края надо искать новые месторождения и глубже, глубже лезть в землю, — подтверди мысль геолога Ногаев. — Дерзать и дерзать надо!

Бурильщик
А. АЛЕКСЕЕНКО

